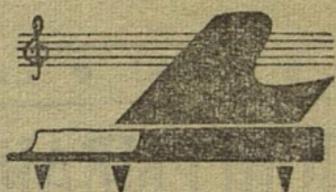

Продолжение

Знакомства

Тридцатичетырехлетнего дирижера Волдемара Нельсона рижане и юрмалцы знают по его успешным выступлениям весной. Сейчас он вторично предстал перед латвийской публикой. На сей раз — с оркестром, который ему наиболее близок, ибо в настоящее время В. Нельсон — стажер в симфоническом оркестре Московской государственной филармонии. Но перед тем, как я обращусь к рассмотрению исполненной оркестром и молодым дирижером сложной и разнообразной программы, несколько слов о самом В. Нельсоне. Он окончил Новосибирскую консерваторию по классу скрипки, параллельно с учебой играл во вторых скрипках Новосибирского симфонического оркестра. Затем под руководством главного дирижера этого оркестра Арнольда Каца окончил только что организованный в местной консерватории класс симфонического дирижирования. Это было год назад. Наряду с педагогической работой в консерватории он готовился к третьему всесоюзному конкурсу дирижеров в Москве, на котором завоевал второе место.

Если обратиться к программе концерта, исполненного оркестром и В. Нельсоном в Дзинтари, то сразу же необходимо отметить, что все три включенные в концерт произведения весьма отвечают индивидуальности и вкусам дирижера. Нельсон, рассказывая о себе, как-то заметил, что его тяга к тому или иному сочинению зависит от того, насколько эта музыка драматична, конфликтна, заострена, но чтоб при этом была возможность и попеть оркестру. (Естественно, что драматизм и кантилена отнюдь не исключают друг друга). Так вот, симфонический эпизод «Перед уходом» очень одаренного латышского композитора Ромуальда Калсона дал В. Нельсону благодарный, интересный материал такого рода. Оркестр и дирижер, на мой взгляд, очень удачно прочитали эту далеко не простую партитуру. В нервных динамичных взрывах музыки действия, движения они подчеркнули острый внутренний пульс — пульс мысли и чувства, поток своеобразных кульминаций, которыми изобилует работа Р. Калсона, созданная под впечатлением стихов Назыма Хикмета «Перед уходом». Порадовали и очень тонкое драматургическое проникновение, и логика развития, и стремительное героико-романтическое чувство, и та внутренняя программность, которую каждый из нас вправе понимать по-своему, ибо богатая ассоциативность образов музыки всегда находит очень индивидуальный отклик в сердце каждого слушателя. В отличие от некоторой, я бы сказала, доброй кинематографичности партитуры Р. Калсона (если четко следовать в восприятии стихам Хикмета) сама музыка больше и просторнее по мысли — так получилось, и это вряд ли заслуживает упрека. Наоборот, именно этим особенно интересно 17-минутное симфоническое эссе (думается, все-таки не эпизод, а размышление-эссе) о силе человеческого духа. Исполнителям удалось его прочтение. И оркестру, и молодому дирижеру.

Но если в оценке этого произведения вполне применимы слова Пабло Казальса о том, что «если дирижер убежден в чем-нибудь, он должен найти способ убедить в этом и оркестр», то насколько сложнее ситуация со скрипичным концертом Александра Глазунова. Эта поэтичная, щедрая по мелодике, песенная по интонации музыка — музыка классическая — таит в себе немало опасностей для исполнителей: как правило, есть опасность любования, слащавости, а также и некоторой излишней парадности, помпезности во второй финальной части. Музыка эта, как принято говорить, «самоигральная» — как ни сыграй, красоты и обаяния ее не избежишь. Вольдемар Нельсон и скрипач Виктор Пикайзен отказались от легкого пути в решении этого концерта. «Убрали», несколько заземлив, его эффектные красоты (от этого, мне кажется, музыка пошла по линии углубления и раздумья), умерили возможность описательности и аффектации. Было ясно, что перед нами раскрывается «лирическая исповедь души» композитора и исполнителей. Мягкий, красивый и теплый звук скрипки Пикайзена, ни малейшего пережима в сторону чистой виртуозности. Начало и развитие доброго, чуткого диалога оркестра и солиста. Казалось бы, отлично! Казалось бы... И вместе с тем, неволью лезишь себя на ощущение: действительно, очень приятная импровизационность (это вполне допустимо, даже хорошо), но подчас какая-то робкая, как бы нащупывающая, нерешительная (в разработке первой части, ближе к самому финалу второй). И, что греха таить замечаешь, что в стремлении дирижера умерить силу tutti не всегда до конца выдержана логика, которой обычно привлекает в своих прочтениях В. Нельсон. И что здесь все-таки ему не хватает свободы, или еще не до конца сложилась его интерпретация этого сочинения. А, может, дело и в том, что В. Нельсон фактически дирижирует первый сезон, нащупывает свой репертуар. Естественно, не все бывает таким «точным попаданием», как например, отличное его исполнение Седьмой симфонии Бетховена, которую, кстати сказать, он играл и на финальном туре дирижерского конкурса.

В исполнении музыки Бетховена, композитора ему наиболее близкого (мы имели возможность убедиться в этом и ранее, слушая «Кориолана», финал Первой симфонии, Седьмую), налицо лучшие качества молодого музыканта: гармоничность мысли и чувства, неброский внешне, но глубокий внутренний темперамент, умная романтичность и героика, освещенная сегодняшним днем, верность мысли композитора, яркий, без эффектов, точный ритмический, тембральный рисунок В разговоре дирижера с оркестрантами-единомышленниками, — полная свобода, раскованность, а отсюда — единое дыхание, многокрасочность настроений и полетность звучания одного из лучших бетховенских творений. Хочется подчеркнуть, что в современном творческом споре об изменении бетховенских темпов в сторону некоторого убыстрения В. Нельсон разделяет точку зрения тех, кто стремится бережно и разумно «подтянуть» отдельные темпы, сделать их более энергичными в связи с ростом темпов жизни XX века. Это ощутимо и в Седьмой симфонии, где, скажем, вторая часть, аллегretto, играется оркестром и дирижером в более подвижном темпе, не теряя при этом своего эмоционального, очень трудного для передачи, внутреннего смысла. Результат убедителен и выразителен. Как, в общем, и вся симфония — одна из самых лучших (если не самая лучшая) на нынешний день работа В. Нельсона. С большим энтузиазмом она была принята публикой в летнем зале в Дзинтари, как и вся программа, свидетельствующая о продолжении поисков дирижера и его творческом росте.